

*Виталий Третьяков, декан Высшей школы (факультета) телевидения
Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова*

**Какое русское слово мы несем из России за рубеж?
Что делают отечественные СМИ с русским языком?**

Я в своем выступлении буду говорить о России, в первую очередь о Москве как о центре Вселенной под названием Русский мир; а поскольку Русский мир всегда центричен, то, конечно, импульсы, идущие из центра, задают моду всему остальному пространству. Что происходит в центре? В центре есть исследователи (и, как мне казалось раньше, они же должны быть хранителями русского языка), часть из них представлена за этим столом; и есть такие люди, которых я бы назвал «актерами и драйверами современного русского языка». Драйвер —

это одно из любимых слов наших первых лиц, актер — одно из любимых слов нашего интеллектуального, креативного класса, можно догадаться, что имеется в виду под тем и другим.

Я провел в рамках своей программы «Что делать?» не менее трех передач, специально посвященных русскому языку. И тут есть некоторая путаница, на мой взгляд: меня поражает академическое, я бы сказал кладбищенское, спокойствие современных лингвистов, которые занимаются русским языком. От абсолютного большинства из них я всегда слышу одно: «Язык всегда развивается, язык всегда изменяется, не волнуйтесь, он выживет. Он все переварит». Я утверждаю (и надеюсь, что лингвисты, здесь присутствующие, в пух и прах разобьют это мое утверждение, но аргументированно), что современные лингвисты, занимающиеся русским языком, сложили оружие либо не знают, что делать, у них просто нет этого оружия.

Второй пункт — это «актеры и драйверы». Во-первых, кто это? Это политики. Сейчас они часто выступают, что многократно транслируется, остается в сознании, в том числе в сознании языковом. Я считаю, что это преступление перед собственной культурой, особенно если ты рассуждаешь об этой культуре, когда в своих выступлениях ты используешь каждое второе слово иноязычное, причем не в XVIII—XIX веке привнесенное в русский язык и действительно им одомашненное, а вот только что прибывшее, слово, которому и перевод-то найти легко, только определенные усилия нужно приложить. И здесь мы должны признать, что в политическом смысле главными хранителями русского языка, извините, являются коммунисты и все остальные державники. Все, кто левее или правее по нашему спутанному политическому спектру, несколько перевернутому по отношению к западным ориентирам, они все против, они все убивают русский язык... Еще, кстати, ни один из современных политиков не сказал тех коротких слов, которые мы учили в Московском университете... Этот кусочек из Ленина: «Русский язык мы портим...», ну и далее. Кто из современных русских политиков произнес эти два абзаца, таких точных, правильных?

Я много раз задавал вопрос профессиональным лингвистам: объясните, как так получается, судя по тенденции, что русский язык (но, видимо, не только русский) постоянно ухудшается? Раз он все время ухудшается, значит, он ухудшится до предела, и мы к этому пределу приблизились. Если сейчас официальные лица, первые лица государства позволяют себе говорить «имеет место быть», то скоро все остальные будут использовать в речи лингвистические шутки семидесятых годов, рождавшиеся на московских и питерских кухнях: «морда лица», «шутка юмора»! Как же можно быть носителем русского языка и не

понимать, что «имеет место быть» — это искусственная, специально созданная конструкция и что ее нельзя распространять благодаря своему авторитету?!

Языковые нормы всегда задавали представители высокой культуры, сейчас это прекратилось вовсе. По политическим ли соображениям или по каким иным, но языковые нормы сегодня задают крупные политические фигуры, так называемые ньюсмейкеры, второе — это СМИ, а третье — шуты гороховые, те, кто раньше выступали на площадях на ярмарках; там тоже были красивые словечки, безусловно, и они входили в литературный язык, однако не так массово. Но не шутам гороховым позволялось составлять словари и прямо нести слово в народ — все-таки это делала какая-то аристократия духа, крови, языка или чего-то другого, точнее, всего в совокупности... Это очень опасная тенденция: я вообще не вижу выступлений филологов в средствах массовой информации, да и на эти темы редко кто что-то скажет.

Единственным полемическим приемом, единственным способом отношения к жизни у нас осталось то, что было всегда в арсенале умных, образованных, культурных, интеллигентных людей, — ирония. Сейчас, правда, ирония — это стеб (вот один из немногих случаев, когда иноязычное слово как раз получило русский эквивалент). Но нельзя же только с помощью иронии подходить ко всему в мире, в том числе к лингвистическим проблемам! Я не знаю, какой должна быть, какой может быть моя ирония, когда я уже видел в газете напечатанный заголовок: «Девятеро водителей попало в аварию»... девятеро... скоро будут говорить и писать «двадцатеро», «тридцатеро»! Как лингвисты молчат, я не понимаю...

И последнее предложение. В каждом приличном американском университете, каким бы он ни был по масштабу и по направленности, обязательно есть кафедра поэзии, ее возглавляет поэт. Ясно, что он никакой не ученый, его дело — писать стихи. Вот такую поэтическую культуру у нас тоже каким-то образом надо прививать. Я бы в каждый российский университет — в университет русский, то есть функционирующий на русском языке, — поставил по писателю из «тех»: из левых, из патриотов, из державных, из тех, кто за русский язык радеет. Учредил бы каждому кафедру, положил бы гигантский оклад только за то, чтобы они приходили, беседовали со студентами, поправляли младших и старших коллег... Этого, конечно, не случится, но мечтать... что нам еще остается, кроме как мечтать. Русский язык умирает, я в этом совершенно уверен, к сожалению...

Спасибо за внимание.